

Павел
Пономарев

Фантазии старого города

Когда я прогуливаюсь по улицам старого города, то мысли почему-то всякий раз обращаются в прошлое, просыпается фантазия, а в голове начинают возникать возможные и невозможные истории старого Барнаула. Вот здесь, в двухэтажном бревенчатом доме, в жаркие июньские дни две сестрицы широко раскрывали окна и подолгу пили чай, хохоча и указывая пальчиком на проходящих мимо семинаристов. Юные бурсаки были невозмутимы, делая вид, что им все равно; они только что вычитали акафист святому и были жутко голодны. Семинарист Бурда несколько раз порывался достать уже несвежий бублик из кармана, чтобы честно разделить его с однокашниками, но пойманный случаем смирялся...

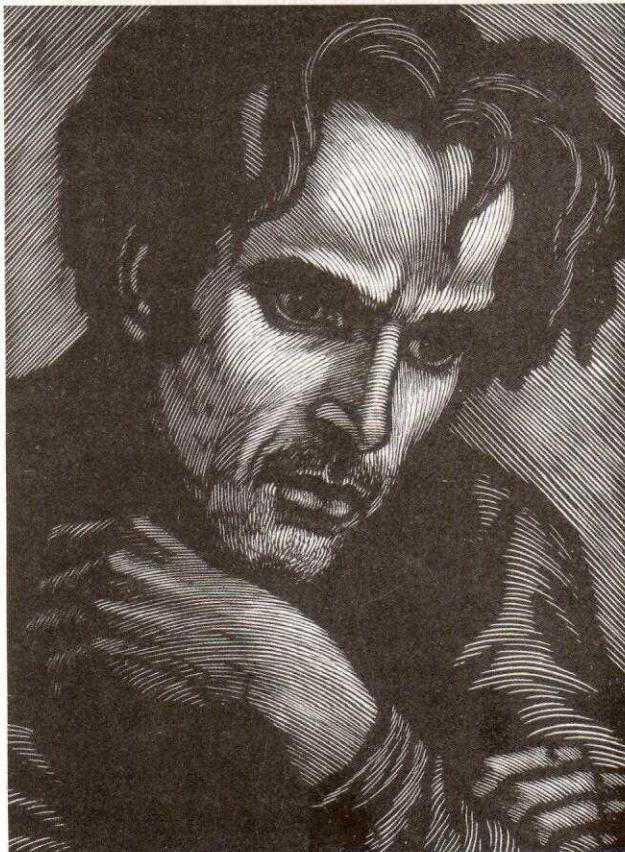
Здесь же, неподалеку от идущих семинаристов, на Соборной площади, возле выбеленной стены дома стоял А. Врангель и ждал Достоевского. Тот опаздывал, так как у жены снова открылся чахоточный кашель, и ей требовалась помощь. Врангель смотрел на скученные избы, расположенные на самой верхушке зеленой горы и

думал о пасынке Достоевского Павле, о бесстыдстве ленивого недоросля и попрошайки. Барнаульский друг писателя несколько раз уже порывался сказать Достоевскому о том, чтобы тот плонул на бездельника, но, чувствуя его сквозной непередаваемый взгляд, всякий раз отступал. Через некоторое время на недорогом извозчике приехал Достоевский с Марией Дмитриевной. Врангель обещал подыскать неплохое жилье на время пребывания супругов в городе, так как жена писателя по причине болезни часто была в истерике, и больше всего доставалось, конечно, Феде.

- Думаю, вы простите нас А.Е... - начал было оправдываться Достоевский. - Непредвиденные обстоятельства.

- Что вы, что вы! Предлагаю выпить воды с сиропом и идти к Семенову, - ответил Врангель.

- О чём вы, А.Е., - сказал

Ф. Константинов. Гравюра к произведению Ф.М. Достоевского.

Мария Дмитриевна, - меня до сих пор лихорадит. Если возможно, сразу же к Семенову, без промедления.

Мужчины молча переглянулись, и все вместе отправились в сторону булочной с яркой вывеской, на которой были изображены коричневые сушки и пышные, несколько почерневшие от дождя, караваи.

У Семенова Достоевский был как-то странно задумчив и молчал. К удивлению Федора Михайловича, дом Марию Дмитриевну устроил, хотя не обошлось и без каприза. Сразу же после приветствия хозяина она велела показать ей комнату, где они будут находиться, и мгновенно скрылась. Семенов и Врангель, оставив супругов одних, вышли на улицу.

Когда Достоевский заглянул в комнату, жена уже спала и как-то тяжело, страшно дышала, как дышат чахоточные. В карманах широких брюк он отыскал папиросы и, подойдя к окну, закурил. «Мерзкий городишко, однако, - подумал писатель, - но что-то в нем есть этакое...». - «Там, у площади, очень напоминает Невский, хотя и мелковато...». - «Да... мелочность, мелкие нравы».

Достоевский посмотрел на ломберный столик и ему захотелось выпить вина, но вина нигде не оказалось. Открыв чемодан с вещами, писатель разыскал немного денег, надел сюртук и вышел на улицу.

Вечерело. В отдаленных глухих окраинах города зловеще лаяли собаки, завывая по-волчьи, отчего мысли о петербургском сходстве из головы гения сразу же улетучились. Зайдя в первую попавшуюся бакалею, Достоевский купил вина, и, глядя на рыжебородого с востренькими глазками торговца, зачем-то заговорил с ним:

- И всегда у вас так собаки лают?
- Собаки-то, отчего же им не лаять, на то ить и собаки.
- Да...
- А вы приезжий будете, значит, из далеких к нам краев.
- Из Семипалатинска.
- А-а-а... С женой или, так сказать, холостыми-с.
- С женой. Болеет жена – чахотка.
- Да-с, с чахоткой шутки плохи. Вот давеча в доме, где господин Семенов проживает с семьей-с, девушка померла, отроду семнадцать лет. Видано ли... Семья нуждалась оченno, вот она и пристала, подлая.

Достоевский на мгновение почувствовал острую боль в висках и переспросил:

- Кто она?
- Все она – болезнь, больше некому.

Боль в висках усилилась и сознание помутилась. Федор Михайлович скорее вышел на воздух, оставив вино в бакалее. Он шел очень быстро, ничего не видя вокруг, но зато лай стал слышен до невозможности ясно и громко. «Сотни и тысячи их воют и лают всю ночь...» - промелькнули в сознании писателя странные слова. Подойдя к дому, Достоевский зачем-то остановился и стал осматривать старое двухэтажное здание с покривившимися крылечками и одиноким флигелем, заросшим сиренью. Вглядываясь в желтые, засиженные мухами окна, ему на мгновение показалось, что за стеклом стоит Мария Дмитриевна и как-то странно на него смотрит. Достоевский, сорвавшись с места, как только мог быстро взбежал по деревянной лестнице, открыл дверь, пытаясь прокричать: «Маша! Маша!». Но вместо этого выходил только животный крик, похожий на вой загнанного охотниками волка: «Ххх-ии!!!».

Через пару дней, прибирай кое-какие вещи, Семенов наткнулся на исписанный мелким бисерным почерком листок, где было изложено следующее: «Мужик в бакалее. Глаз острый, с хитринкой. Рогожин. Дом с желтыми стеклами, грязь, мухи. Христос. Мальчик. Лай собак, волки; глушь. Купить папирос в дорогу. Сходить с Машей в храм. Долг № Врангелю».

БАРНАУЛ

литературный

280
лет